

Дайджест
РОДА НАШЕГО НАПЕВЫ

**к 180-летию первого издания
карело-финского эпоса «Калевала»**

Екатеринбург, 2015

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

Дайджест

РОДА НАШЕГО НАПЕВЫ

к 180-летию первого издания
карело-финского эпоса «Калевала»

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,-
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.*

«Калевала». Руна 1.

ББК 82.3(2)

Р 60

Редакционная коллегия:

Автух Ф. Р.

Васильева Т. В.

Колосов Е. С.

Лебедева Т. В.

Рода нашего напевы: к 180-летию первого издания карело-финского эпоса «Калевала» : дайджест / Свердловская областная межнациональная библиотека ; сост. С.П. Голочалова ; ред. Т.В. Васильева, Е.А. Новосельцева ; верстка Е.В. Араповой ; ответственный за выпуск Е.С. Колосов. – Екатеринбург, 2015. – 52 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	6
«Калевала» - памятник карело-финской культуры.....	8
Образы и символы мифа.....	14
Путешествия с Э. Леннротом.....	20
Кантеле Вяйнямейнена.....	26
В поисках Сампо.....	33
Из записок Э. Леннрота.....	37
Использованные источники информации.....	46
Приложение 1. Жемчужины народной мудрости в «Калевале».....	47

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Вершиной развития народного словесного искусства признается эпос. У каждого народа он имеет свою историю, свою морфологию и свою поэтику. У русских – это былины, у среднеазиатских тюрков – «Манас», калмыки свой эпос называют «Джангар», якуты – «Олонхо»; у народов Кавказа – это «Нарты», у скандинавских – «Эдда», у германских – «Нибелунги»...

Бесценным источником информации о жизни и верованиях древних северных народов является карело-финский эпос «Калевала», днем рождения которого считается 28 февраля 1835 года. В этот день финский поэт и фольклорист Элиас Леннрот, подписав инициалами «E.L.» предисловие к поэме, передал рукопись в типографию. Эта дата стала праздником – Днем «Калевалы».

«Калевала» была создана Леннротом на основе сотен народных рун, записанных им и десятками других собирателей на территории Карелии, Финляндии, Ингерманландии (территория Ленинградской области). С тех пор герои «Калевалы» – Вяйнямяйнен, Лемминкяйнен, Илмаринен, Айно, Куллерво – «путешествуют по миру, завоеывая любовь читателей».

В 1835-1836 годах поэма вышла в двух книгах маленьким тиражом - 500 экземпляров. Леннрот продолжал работать над ней еще четырнадцать лет. Окончательная версия эпоса была опубликована в 1849 году. К этому времени «Калевала» приобрела европейскую известность, в XX веке – всемирную.

«Калевала» вобрала в себя все лучшее из карело-финского устного народного творчества. Она пробуждает у читателей интерес к родному фольклору, к своим древним корням. Эта поэма выявляет и общие корни человечества, соединяя народы мира идеями гуманизма.

Сегодня, когда на планете постоянно вспыхивают войны, «Калевала» вызывает к миру, к дружбе между народами.

*Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья.*

В 2015 году исполняется 180 лет со дня выхода в свет первого издания карело-финского эпоса. Этому событию посвящен данный дайджест. Он позволит читателю погрузиться в древний мир «Калевалы», проникнуться красотой обычаев и верований северных народов, насладиться необычным слогом карело-финской поэзии. Адресовано издание всем, кому интересна история культуры финно-угорских стран и народов.

КАЛЕВАЛА - ПАМЯТНИК КАРЕЛО-ФИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Калевала» не имеет аналогов среди национальных эпосов в мировой литературе. В ней нашли отражение практически все эпические сюжеты карело-финского фольклора, она вместила в себя разные жанры и многое другое. Тем самым «Калевала» стала для нас поэтической энциклопедией народной жизни, обобщенной картиной древнего мира.

Э. Карху,
доктор филологических наук

Карелы и финны в течение многих столетий сосуществовали бок о бок, имели схожий язык и уклад жизни. Древняя земля, на которой они жили, хранила множество тайн и легенд, которые передавались из уст в уста. В карельских и финских деревнях было немало сказителей-рунопевцев, исполнявших старинные песни-руны. В них рассказывалось о сотворении мира, происхождении огня и железа, появлении первого человека и подвигах героев страны Калевалы (в переводе с финского и карельского языков «Калевала» означает «страна героев» или «страна богатырей»).

«Калевала» является самым «миролюбивым» из эпосов: в центре его повествования находятся не воинские подвиги героев, а сокровенное знание о происхождении вещей, мудрое слово решительно доминирует над действием.

Долгое время не утихали споры ученых по поводу авторства «Калевалы». Одни считали ее произведением народным, а другие – авторским, принадлежащим перу Э. Леннрота.

«Калевала» – народная эпопея, поскольку в основу ее легли народные эпические песни, и в то же время народная искусственная, поскольку народные эпические песни в ней подверглись обработке.

Известный русский филолог В.А. Гордлевский, в работе «Памяти Элиаса Леннрота» писал: «Что такое “Калевала”? Представляет ли она народную поэму, созданную пером Леннрота, в духе народных певцов, или это искусственная амальгама, слепленная самим Леннротом из разных обрывков?.. Леннрот бережно сохранил все свои рукописи, и не так давно доцент А. Ниemi произвел кропотливое исследование, которое обнаружило, что огромное большинство стихов (по крайней мере, 94 %) вышло из уст народа... <...> Разгадав тайники народного языка во всем его диалектическом разнообразии, Леннрот предотвратил распадение его, искусно вводя меткие слова и формы из необъятного запаса, хранящегося в народе. От него идет современный финский язык».

Элиас Ленротт обратил внимание, что многие руны связаны по сюжету и рассказывают об одних и тех же героях. Тогда у него возникла мысль объединить их в единый эпос, наподобие «Илиады» Гомера. Но, поскольку некоторых связующих частей не доставало, Ленротт сочинил их самостоятельно. Народные руны он подверг художественной обработке. При работе над эпосом Элиас Ленротт использовал много заимствованных слов из карельского, шведского и русского языков, обогатив тем самым финский язык. В Финляндии Ленротта считают отцом финского литературного языка и почитают так же, как в России А.С. Пушкина.

Первый полный стихотворный перевод «Калевалы» на русский язык был сделан Л.П. Бельским в 1888 году. Этот перевод считается классическим. Впоследствии делались и другие более или менее удачные попытки перевода карело-финского эпоса на русский язык. В 1970 году вышел перевод сборника «Из поэзии Калевалы», составленный О.В. Куусиненом. Над ним работала группа переводчиков – поэты Н. Лайне, М. Тарасов, А. Титов, А. Хурмеваара. Последний перевод был сделан в 1998 году карельскими литераторами Эйно Киуру и Армасом Мишиным. Над «Калевалой» для детей трудились

А. Любарская, И.Д. Востряков. Эпос издан на 61 языке и, таким образом, бесспорно, вошел в сокровищницу мировой литературы.

По «Калевале» создано несколько кинофильмов, спектаклей и театральных постановок в Финляндии, Венгрии, России, в том числе в Карелии, и республике Марий Эл.

Иллюстрации к «Калевале» делали советские художники Тамара Юфа, Георгий Стронк, Мюд Мечев, О.П. Бородкин, С.Л. Закликовская, А.И. Порет и др.

В 1959 году карельский композитор Гельмер Синисало написал по мотивам эпоса «Калевала» балет «Сампо».

Тогда же, в 50-х годах, советские и финские кинематографисты сняли художественный фильм «Сампо».

Эпос «Калевала» оказал значительное влияние на мировую культуру. На рубеже XIX-XX веков в искусстве возникло течение «каре-лианизм». В нем соединились увлечение историческим прошлым, Карелией и «Калевалой». Приверженцами этого течения были известный финский поэт Эйно Лейно, композитор Ян Сибелиус, художник Акселли Галлен-Каллела и др. Американский поэт Генри Лонгфелло под влиянием «Калевалы» написал «Песнь о Гайявате», опираясь на фольклор североамериканских индейцев.

В XX веке английский писатель Джон Толкиен, знавший финский язык и прочитавший в оригинале «Калевалу», использовал эпические интонации в созданном им языке эльфов.

Финский и карельский народы, гордясь леннротовской «Калевалой», воспринимают ее как национальное достояние, но каждый народ по-своему. Для финнов это национальный эпос, который выполнил свою главную роль: пробуждение национального самосознания, формирования нации. Финляндия в 1917 году стала суверенным государством. И когда возникала опасность утраты этой суверенности в двух войнах с Советским Союзом, «Калевала» снова поддерживала национальный дух славным прошлым. Для карелов «Калевала» остается народным эпосом. Ведь именно материал великих карельских рунопевцев – Архиппы Перттунен, Онтрея Малинен, Воассилы Киелевяйнен и многих других – стал основным эпическим материалом для леннротовского эпоса.

В Карелии и в Финляндии особенно очень популярны названия и имена, взятые из эпоса. Так, в Петрозаводске существуют кинотеатр «Калевала» и книжный магазин «Калевала». Городская компьютерная сеть носит название «Сампо» в честь волшебной мельницы. В Финляндии распространено женское имя Айно (так звали невесту главного героя эпоса Вяйнямейнена).

Образы «Калевалы» заняли почетное место на современном гербе республики Карелии: восьмиконечная звезда, венчающая герб, символ Сампо, путеводная звезда народа, источник жизни и процветания, «счастья вечного начало».

СОДЕРЖАНИЕ ЭПОСА «КАЛЕВАЛА»

В «Калевале» «перед нами разворачивается необычайный мир, полный первобытной прелести, – писала М. Шагинян. – Северная его точка – мрачная страна Похьела, где еще свежи черты древнего матриархата, материнского права: там царствует злая старуха Лоухи, хозяйка Похьелы. Неподалеку от нее, под землей или под водой, лежит странное царство – царство Туони, Туонела, в черных реках которой люди находят свою кончину. Это – первобытное представление о «том свете», об аде.

Южная точка этих странствий – светлая страна Калевы, Калевала, где живут герои эпоса <...> Где-то, по бесконечным озерам-морям, лежат острова Саари <...> в чащобах могучих скал и лесов, среди водопадов и рек, живет род Унтамо, уничтоживший в братоубийственной войне род своего брата Калерво... Все это Север, но как разнообразен этот Север!»

Калевала – название сказочной страны, где живут и совершают подвиги эпические герои, сыновья Калева. Произведение представляет собой сборник отдельных эпических песен, или рун. У каждой руны – отдельный сюжет, ее следует рассматривать, как отдельную историю.

Открывает поэму рассказ о возникновении мироздания из яйца птицы и рождения героя Вяйнямейнена – векового песнопевца (не столько героя-воина, сколько «культурного героя» - устроителя земли, приносящего людям зачатки культуры, строящего лодку при помощи слова, создающего музыкальный инструмент кантеле).

Затем говорится о ходе обживания земли, распространения земледелия, создании семьи, культурно-бытовых ценностей и предметов труда.

Главная тема поэмы – это борьба за счастье, олицетворенное в чудо-мельнице сампо, дающей все необходимое для жизни людей. Однако сампо тонет в море в ходе борьбы между холодной и убогой Похьелой (в лице старухи Лоухи) и краем Калевалы (в лице Вяйнямейнена).

Останками сампо, вынесенными волнами на берег, Вяйнямейнен делает плодородной землю, создавая предпосылки для блага будущих поколений, их труда, материального достатка и счастья. Хозяйка Похьелы, раздосадованная утратой власти и могущества, пытается мстить калевальцам, посылая различные напасти, похищая небесные светила и даже огонь из их очагов. Вяйнямейнен вместе с другим героем поэмы, искусным кузнецом Илмариненом, преодолевают все препятствия и невзгоды и утверждают на земле благополучие, счастливую жизнь для людей.

Но время мифического языческого героя Вяйнямейнена истекает и на смену ему рождается новый герой, приходит новая, христианская, эпоха. Вяйнямейнен уходит из мира людей, говоря напоследок, что он еще будет востребован, когда понадобится новое сампо и новые песни.

По словам одного из переводчиков «Калевалы» Э.С. Киуру, «Калевала» – вечная книга, ибо мифологическая основа дает ее героям существовать и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Характеризуя суть древней поэзии и ее творцов, связь времен и поколений, единство человека и природы, известный русский поэт А. Блок в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906 г.) писал: «Непостижимо для нас древняя душа ощущает как единое и цельное все то, что мы сознаем как различное и враждебное друг другу. Современное

сознание различает понятия жизнь, знание, религия, тайна, поэзия: для предков наших все это – одно, у них нет строгих понятий. Для нас – самая глубокая бездна лежит между человеком и природой; у них – согласие с природой исконно и безмолвно; и мысли о неравенстве быть не могло. Человек ощущал природу так, как теперь он ощущает лишь равных себе людей; он различал в ней добрые и злые влияния, пел, молился и говорил с нею, просил, требовал, укорял, любил и ненавидел ее, величался и унижался перед ней: словом, это было постоянное ощущение любовного единения с ней...» (Блок, 1962). И как источник вечного вдохновения, эпос никогда не будет предан забвению и пророческими на все времена останутся слова Э. Леннрота:

Vaan kuitenkin kaikitenki
la`un hiihin laulajoille,
la`un hiihin, latvat taitoin,
oksat karsin, tien osointoin.
Siitapa nyt tie menevi,
ura uusi urkenevi
laajemmille laulajoille,
runsahammille runoille,
nuorisossa nousevassa,
kansassa kasuavassa.

*Только все-таки, но все же
Я певцам лыжную оставил,
Путь пробил, пригнул вершину
Заломил вдоль тропок ветки,
Здесь теперь прошла дорога, -
Новая стезя открылась
Для певцов, что поспособней,
Рунопевцев, что получше
Средь растущей молодежи,
Восходящего народа.*

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ МИФА

Давайте познакомимся с героями «Калевалы». Кто они? Каков был уклад их жизни? Чем занимались? Как относились к окружающему их миру?

Вяйнемейнен

Считается, что имя Вяйнемейнен произошло от слова, обозначающего широкий, спокойно текущий участок реки в устье. Таким образом, происхождение самого Вяйнемейнена оказывается связанным с водной стихией, в которой он чувствует себя наиболее уверенно, он даже может жить в воде. Согласно приладожской версии сюжета о похищении сампо в Похьеле, Вяйнемейнен, спасаясь от погони, уходит «внутрь моря» и находится там три дня, пока опасность не минует. Согласно Калевале, он родился сразу после сотворения мира и стал первым человеком. Вяйнемейнен – богатырь, вещий певец, сеятель и мудрец. Его можно отнести к наиболее архаическому типу эпических героев: он несет явные черты шамана и действует чаще колдовством, чем мечом или копьем. С одной стороны, Э. Леннрот сконцентрировал в образе главного эпического героя все приписываемые ему положительные качества и шаманскую мощь, с другой, – как бы передал частично его функцию Творца мироздания.

*Пел заклатья Вяйнемейнен:
колыхались воды, земли,
горы медные дрожали,
лопались от пенья скалы,
надвое рвались утесы,
камни трещины давали.*

Кроме того, Вьянмейнен имеет божественное происхождение: он родился от Ильматар – богини, дочери воздушного пространства.

*И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,
Закачало в синемморе,
На волнах с вершины белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.*

Обернувшись матерью воды, она родила Вьянмейнена. Будучи беременной и дрейфуя по морю, Ильматар участвует в создании мира из яйца, формирует рельеф морского дна.

Идея сотворения мира есть вера в то, что человек – это неотъемлемая часть Вселенной, а его душа вечна. Поэтому Ильматар – это еще и символ желания по-настоящему проявить себя там, где только это и возможно.

Утка – праматерь земли в карело-финской мифологии, некая посторонняя сила, которая участвует в сотворении мира.

Яйцо – не только символ происхождения, но и знак промежуточности. Олицетворяет мировое яйцо, образ которого выражает промежуточное состояние между хаосом и миропорядком.

В «Калевале» говорится: «Из семи яиц, снесенных Уткой (шесть золотых и одно железное), и родилась Вселенная, весь видимый и невидимый мир:

*Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились...*

Ильмаринен — один из главных героев поэмы, верный и неизменный помощник и соратник Вяйнямейнена. Вместе с ним создал огонь на небе, при этом искра упала на землю и послужила на пользу людям. В народно-поэтической традиции карелов и финнов эпический герой Ильмаринен сохранил ряд присущих небесному божеству черт, в ряде случаев эти черты соотносимы с мифической фигурой «птицы воздуха» (ilman-lintu).

Лемминкяйнен — один из главных героев «Калевалы», балагур, весельчак, любимец женщин, задиристый драчун и вояка, стремящийся стяжать себе боевую славу. Он и могучий маг, и чародей (подобно Вяйнямейнену), и воинственный викинг, для которого битвы и завоеванные в них боевые трофеи дороже всего на свете.

Лемминкяйнен захотел жениться на красавице Кюлликки. Мать отговаривала его, как могла: не ровня они знатному роду девицы, посмеются над ним и гордая Кюлликки, и ее подружки. Но Лемминкяйнен в себе уверен:

*Оборву насмешки женщин,
пресеку девиц ухмылки -
каждой подарю ребенка,
каждой дам в подол младенца,
вот и кончатся насмешки,
прекратятся все ухмылки.*

Сказано – сделано. Лемминкяйнен повеселился с подружками и, видя, что Кюллики на уговоры не поддается, закинул ее в сани и увез домой. Жили они неплохо, но Лемминкяйнен бросил красавицу Кюллики, отправился на далекий север свататься к дочери хозяйки Похьолы.

Хозяйка дает ему невыполнимые задания, третье из которых – убийство лебедя на реке смерти Туонела – оказывается для героя роковым.

По поверьям финнов, убийство лебедя карается смертью. И Лемминкяйнен был бы убит, разрублен на куски и сгинул в пучине Туонелы, если бы не его мать.

Мать Лемминкяйнена добралась до страны мертвых, нашла реку смерти Туонелу. Из реки граблями вытащила куски своего сына, сложила их и оживила Лемминкяйнена волшебными магиями.

Похьела – это противостоящая Калевале страна. Она во многом враждебна калевальцам: там зарождаются болезни, оттуда идут холод и всякие невзгоды. Несмотря на враждебное отношение калевальцев и эпических героев народных рун к Похьеле, именно там они сватают (или похищают) себе жен, похищают культурные блага (сампо), поэтому между Калевалой и Похьелой существуют родственные отношения.

Основание опоры мира – корень «мирового дерева» – находится, согласно финской мифологии, где-то за северным горизонтом, в Похьеле.

Основная сюжетная линия эпоса «Калевала» включает выковыивание чудо-мельницы **Сампо**. Как символ Сампо – путеводная звезда народа, источник жизни и процветания, «счастья вечного начало». Как правило, его представляют в виде мельницы. Сампо намалывает столько хлеба, соли и денег, что хватает на еду, припасы и устройство пиров. Крышка мельницы символизирует усеянный звездами небесный купол, вращающийся вокруг центральной оси – опоры, на которой покоится весь мир. Во время борьбы Сампо разбивается, обломки тонут в море (потому море, согласно народным верованиям, богаче, чем суша). Часть обломков, однако, прибывает к земле: они влияют на урожай. Крышка была потеряна, что привело к гибели

ли мирового дерева на Северном полюсе – это символическое изображение смены эпох, глобальных космических изменений, отражающихся на Земле.

Куллерво – трагический герой поэмы. Он борется против зла внутри своего сообщества. Вся история его жизни – иллюстрация пагубности вражды и раздоров между членами общества.

Кантеле – карело-финский инструмент. Согласно «Калевале», создателем и первым исполнителем на кантеле стал рунопевец Вяйнемейнен, сделавший первое кантеле из пасти гигантской щуки. Кантеле – это символ, объединяющий в себе и культуру, и трудовую деятельность, и историческое развитие многих поколений людей северного народа.

Дева Марьятта – имя девушки, родившей в непорочном зачатии от съеденной бруснички чудесного мальчика. Имя Марьятта восходит к имени пресвятой девы Марии. В то же время оно созвучно слову marja – ягода.

*Марьятта, красotka-дочка,
По тропе прошла немного,
Чтобы ягодку увидеть,
Выбрать красную со стебля,
Выбрать кончиками пальцев,
Нежными сорвать руками.
Видит — ягодка на горке,
На полянке та брусника:
И на ягодку похожа,
Но стоит как будто странно, —
Братъ с земли — высоко слишком,
С дерева — так слишком низко!
Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмака она вскочила*

*К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборочку от платья.
Прыгнула потом на пояс,
С пояса на грудь девицы,
А с груди на подбородок,
С подбородка прямо в губы;
А оттуда в рот скользнула...*

ПУТЕШЕСТВИЯ С Э. ЛЕННРОТОМ

Необычайно обаятельный образ Элиаса Леннрота донес до нас его современник Яков Карлович Грот, российский филолог, академик: «Я нашел в нем человека среднего роста с крепким телосложением, не полного и не худощавого, с лицом смуглым и отчасти багровым, с огненными черными глазами, с добродушной улыбкой, с приемами не совсем ловкими.

Своим необыкновенно выразительным лицом он напоминает пламенный восток, но в речах и в телодвижениях совершенный финн... Характер у него веселый, всегда ровный. Когда я первый раз пришел к нему, он сидел в длинном сюртуке пред небольшим столиком из простого дерева, где лежало несколько тетрадей, мелко исписанных... Свои неистощимые литературные запасы приводит он в порядок и печатает с тем же удивительным прилежанием, с каким наперед собирает их...»

«Жалею, что скромность доктора Леннрота не позволяет мне говорить совершенно свободно о нем и трудах его. Могу, однако же, сказать, что из всех приятностей моей поездки его общество было для меня всего дороже. Высокое благородство характера, без которого не много значат литературные достоинства, оно одно могло доставить ему ту искреннюю любовь, какая его везде встречает...»

Элиас Леннрот был многосторонне одаренным человеком. Филолог, врач, первооткрыватель в области ботаники, он также преуспел как редактор словарей, сочинитель религиозных гимнов и издатель, и, кроме всего прочего, успел свыше 40 лет проработать журналистом.

Он занимался совершенствованием финского литературного языка и разработкой терминологии для разных направлений науки. Сре-

ди придуманных Леннротом слов – финские соответствия для таких понятий как «литература», «независимый», «просвещение», «республика» и «право голоса».

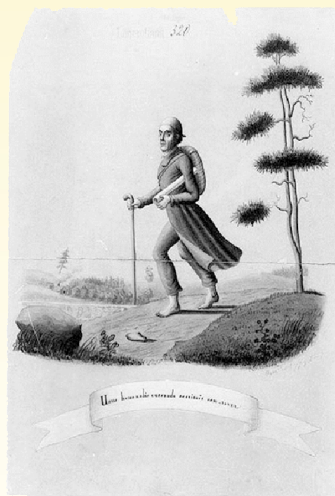
Леннрот был одним из членов-основателей Финского литературного общества, почетным членом Эстонского ученого общества и общества Эстонских литераторов, членом-корреспондентом Прусской Академии наук, членом Венгерской Академии наук и общества естествознаний, а также почетным членом Парижского лингвистического общества и Петербургской академии наук.

Однако, несмотря на многочисленные заслуги, имя Элиаса Леннрота известно, прежде всего, благодаря «Калевале».

Он родился в семье бедного портного. Получив медицинское образование, служил врачом в Каяни – маленьком городке на севере Финляндии. Все свободное время он посвящал собиранию и изучению народного творчества, и это увлечение стало главным делом его жизни.

С 1828 по 1845 год Леннрот совершил одиннадцать путешествий, с посохом в руках он преодолевал сотни верст по проселочным дорогам. Экспедиции Леннрота можно разделить на две части. Вначале его целью было, по возможности, точно записать древние руны в качестве исторического источника. Когда записывать руны было не у кого, Леннрот интересовался необычными словами, названиями растений, поговорками и загадками, имея в виду развивавшийся финский язык. Его последние экспедиции носили в большей степени лингвистический характер.

В свое первое путешествие Э. Леннрот отправился в 1828 году, посетив южную Финляндию, включая Карельское Приладожье, побывал в Сортавале и на острове Валаам. Результатом стал путевой дневник «Странник», в котором автор подробно описывает обычаи финнов, свадебные обряды, а также рунопевца Юхана Кайну-

лайнена. По возвращении в конце сентября в Хельсинки, Леннрот обработал собранный материал. В период с 1829 по 1831 годы вышло четыре тетради под названием «Кантеле». Пятая тетрадь осталась неизданной. Причиной стало появление мысли о создании целостного эпоса.

С осени 1832 по весну 1833 года Э. Леннрот боролся со страшными эпидемиями тифа и дизентерии на севере Финляндии, заболел и сам. Болезнь протекала в тяжелой форме, пошли даже слухи о его смерти. В связи с этим, Леннрот потом писал со свойственным ему чувством юмора: «Если верить финской народной поговорке, что о хворах богатого говорят, а о смерти бедного и не вспоминают, то я, выходит, должен быть по меньшей мере миллионером».

Совершенные в 1828–1835 годах шесть поездок по сбору рун принесли Леннроту богатый материал, на основе которого он создал поэму «Калевала, или старые руны Карелии о древних временах финского народа». Так родилось издание, которое известно сегодня как «Старая Калевала». Она состояла из 32 рун, вышла в 1835 году тиражом пятьсот экземпляров и была скромно подписана инициалами E.L.

В 1836 году Э. Леннрот совершил путешествие до границ Лапландии, собрал, кроме магических рун, около 5 тысяч пословиц, более 1 тысяч загадок и ряд легенд и в 1840 году издал «Kanteletar» – сборник древних народных лирических стихотворений с музыкальным приложением. Кроме того, он продолжал заниматься врачебной практикой, издательской деятельностью (журнал «Мехиляйнен»), работал над созданием словарей (финско-шведского, русско-финско-шведского). В эти годы он также публикует сборник «Пословицы финского народа» (1842), три книги сборника «Кантеле» (1841), участвует в написании «Истории Финляндии» (1839) и «Истории России» (1840).

В последующие девять лет он побывал в шести экспедициях: на Северной Двине, в Архангельске, Петербургской губернии, финляндской и российской Карелии, Эстонии. Он собрал обширный материал и последующие пять лет работал над созданием нового, расширенного текста эпоса. Он стремился соединить все собранные

и записанные им народные песни в единый цикл, соединяя строфы, записанные от разных рунопевцев, и добавляя многочисленные строфы собственного сочинения. Второе издание, так называемая «Новая Калевала», вышло в 1849 году, и состояло уже из пятидесяти рун и 22795 поэтических строф.

В «Старой Калевале» достаточно точно воспроизведены исполнения первых певцов, но к изложению «Новой Калевалы» Лённрот подошел более вольно. Он, в том числе, в целях создания более целостного образа, добавил в нее сочиненные им самые отрывки. «Калевала» составлена с соблюдением особого стихотворного размера, который называют калевальским размером. Характерными для данного размера являются аллитерация, ассонанс, параллелизмы, а также сам стихотворный размер, состоящий, как правило, из восьми слогов.

*На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,
Раскрывают мои зубы.
Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.
Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлись!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
В крае севера убогом.
Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших;
Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,*

*В подрастающем народе.
Я собрал все эти речи,
Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямейнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомьели,
И на стрелах Еукахайнен,-
В дальних северных полях,
На просторах Калевалы...*

Этот «канонический вариант» «Калевалы» ныне известен во всем мире. Финны называют его финским национальным эпосом, карелы – карело-финским народным эпосом. Именно этой книге суждено было войти в золотой фонд мировой литературы.

Несмотря на колоссальный труд по созданию эпоса, Э. Леннрот не поставил своего имени на титульном листе. Одни считают, что из скромности, другие видят в этом прямое доказательство подлинной фольклорности «Калевалы».

В 1849 году, в возрасте 47 лет, Э. Леннрот женился. Его избранницей стала 26-летняя Мария Пипониус, дочь красильщика. Обручальным кольцом стало кольцо с бриллиантом, пожалованное Леннроту императором за заслуги во время борьбы с эпидемиями. После свадьбы было решено обосноваться в городке Каяни.

В 1853 году Э. Леннрот, защитив докторскую диссертацию, стал профессором Гельсинкфорсского университета и переехал с семьей в столицу. Первые годы он читал лекции на шведском языке. И только в 1856 году была прочитана первая лекция на финском языке, что было настоящим событием в университетской жизни.

В семье Леннрота родились четыре дочери: Мария, Ида, Эллина и Текла. Кроме своих детей, Леннрот воспитывал оставшихся сиротами детей своих друзей. Под его опекой находились также дети из необеспеченных семей, он брал на себя расходы на их жилье и обучение, а в Хельсинки содержал приют для учащихся из Каяни. В своем завещании он выделил деньги на открытие в Самматти школы домоводства, которая, позднее расширившись, действует до сих

пор. В 1868 году скончалась от туберкулеза жена Мария. Э. Леннрот остался один с четырьмя дочерьми, трое из них умерли от туберкулеза и дифтерии в возрасте около двадцати лет. Остаток своей жизни Леннрот прожил в уединенной усадьбе со своей дочерью Идой.

В 1876 году Э. Леннрот был избран почетным академиком Российской Академии наук. Элиас Леннрот стремился к просвещению простого народа: он издал необычайно популярную в свое время книгу «Домашний доктор финского крестьянина» (1839). По просьбе медицинских чиновников он составил «Пособие по воспитанию и кормлению маленьких детей», а также «Пособие по использованию в пищу ягеля в голодные годы».

Умер Элиас Леннрот в 1884 году в возрасте восьмидесяти двух лет и был похоронен на кладбище в Саматти.

КАНТЕЛЕ ВЯЙНЯМЕЙНЕНА

*Чудным звоном игра на кантеле сопровождала
всю жизнь человека от рождения до смерти.
А история самого инструмента насчитывает
около двух тысяч лет.*

В 1834 году Леннроту посчастливилось познакомиться с карельским рунопевцем Архиппой Перттуненом, который исполнял для фольклориста руны почти три дня.

Архиппа Перттунен был представителем целого рода сказителей, обладал таким огромным талантом, что не только сам был знаменитым исполнителем, но и передал свое мастерство сыну Мийхкали, который, в свою очередь, научил исполнять руны свою дочь. Так в роду Перттуненов рунопевческое искусство передавалось из поколения в поколение.

Последняя сказительница «Калевалы» – Татьяна Перттунен, жена правнука Архиппы дожила до 1963 года, сохраняя живую устную традицию. Лучшее, что удалось записать фольклористам от членов этой семьи, собрано теперь в отдельной книге «Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов» (Петрозаводск, 1985).

Руны обычно пели два певца, которые садились друг напротив друга, брались за руки и начинали петь вместе, раскачиваясь из стороны в сторону, взад и вперед. После последней строки каждого стиха главный сказитель умолкал и обдумывал следующий стих, и его помощник повторял стих самостоятельно еще раз. Пение рун сопровождалось игрой на кантеле – щипковом струнном музыкальном инструменте, возраст которого превышает два тысячелетия.

Старинные кантеле состояли пять жильных струн, современные

снабжены металлическими струнами, и число их доходит до тридцати девяти. Во время игры кантеле держат на коленях в горизонтальном или слегка наклонном положении и пальцами обеих рук защищают струны. В наше время существует две разновидности кантеле: диатоническое и хроматическое. Диатоническое кантеле предназначено для исполнения народной музыки. Для исполнения классической музыки необходимо иметь инструмент с хроматическим звукорядом.

Первым, кто обратился к изготовлению хроматического кантеле, был Элиас Леннрот. В 1830-1840 годах им было изготовлено два хроматических кантеле, одно из которых сейчас хранится в одном из музеев Финляндии. Струны этого инструмента располагались на двух уровнях. Струны, соответствующие черным клавишам фортепиано, находились на более низком уровне, по сравнению с остальными. Стержень был заменен подставкой.

В «Калевале» кантеле упоминается многократно. В руне сорок описан процесс создания инструмента. По преданию, Кантеле Элиаса Леннрота, первое кантеле сделал мудрый Вяйнямейнен из зубов, челюстей и ребер огромной щуки, «речной собаки»:

*Кантеле Элиаса Леннрота.
1830-40-е годы*

*Короб кантеле откуда?
Он из челюстей той щуки
Гвозди кантеле откуда?
Из волос коня у Хийси.
Создан короб многострунный,
Кантеле давно готово,
Короб тот из щучьей кости,
Кантеле из рыбьих перьев.*

Многим давал Вяйнямейнен пробовать играть на невиданном инструменте:

*Дал и юным, дал и старым,
Людям средних лет дозволил,*

*Чтобы пальцами играли
На том кантеле из щуки,
Коробе из рыбьей кости.*

Но ни старые, ни молодые, ни холостые, ни женатые, ни даже удалой и веселый Лемминкяйнен не смогли извлечь из кантеле красивых звуков:

*Не звучат, однако, струны,
Не дают они улады.*

Даже в северную Похьелу посылали кантеле, но и там

*... веселье не вскипало,
Не была игра приятна.*

Столь сложным оказалось это дело – игра на кантеле, что Вяйнямейнену даже посоветовали инструмент... утопить! – пока, наконец, кантеле само не взмолилось:

*Не хочу идти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;
Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной.*

Взял тогда в руки кантеле мастер – мудрый Вяйнямейнен:

*Кантеле берет он в руки,
Ставит выгиб на колени,
Держит кантеле руками,
Говорит слова такие:
«Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышал раньше
Этих вечных струн уладу
Вместе с кантеле напевом!»*

*Под рукою старца Вяйне
Издает искусно звуки
Этот короб многострунный,*

*Кантеле из рыбьей кости.
Плавню вскидывал он пальцы,
Высоко большой он поднял
Шло веселье за весельем,
Радость с радостью сливалась;
Это было впрямь игрою,
Песня с песнею сплеталась,
Напевали рыбы кости,
Тон давали щучьи зубы;
Струны толстые – звук сильный,
Конский волос – звук высокий.*

Очарованное игрой Вяйнямейнена, смолкает все живое в природе, слетаются птицы, сбегаются лесные звери, приплывают рыбы, поднимается из глубины морской владыка Ахто и его «воды хозяйка» с дочерьми. Женщины бросают рукоделье, преобразаются лица мужчин.

*Не оставалось там героя,
Не единого из храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронулось бы сердце.*

Все же первое кантеле во время бури теряется в «глубине морской», когда герои возвращаются из Похьелы с чудесной мельницей Сампо. И сколько потом ни искал Вяйнямейнен свой инструмент, найти его не удалось:

*...нигде найти не может
Кантеле из рыбьей кости:
Навсегда его утеха,
Это кантеле пропало.*

Тогда Вьянмейнен делает второе кантеле – из березы суковатой (карельская береза).

*Сделал старый Вьянмейнен
Из березы той утеху,
Целый летний день строгал он,
За день кантеле устроил,
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке.
Короб кантеле он режет,
На утеху ящик этот,
Короб делает он прочный,
Весь в прожилках этот ящик.*

Колки и гвоздики для нового кантеле Вьянмейнен взял у кукушки, накуковавшей «пять тонов». Но где же взять струны?

*Все же кантеле не полно,
Струн пяти в нем не хватает.
Где возьму я эти струны,
Где я звучные достану?
Он идет искать те струны
И проходит по поляне.
Видит: девушка в лесочке,
Видит – девица в долине.
Эта девица не плачет
И не очень веселится:
Просто так запела песню:
Поскорей был вечер минул...*

Наконец, «было кантеле готово». Мастер настроил инструмент, взял на колени и заиграл:

*Начал старый Вьянмейнен;
Он на кантеле играет.*

*Пальцы тонкие он выгнул,
Приподнял большие пальцы.
Зазвенела тут береза,
Тут зеленая запела,
Пела золото-кукушка
Нежно пел девичий голос.
Заиграл сильнее старец.
Струны кантеле ликуют,
Скачут горы, рвутся камни,
Скалы все загрохотали,
Рифы треснули морские,
Хрюц на волнах закачался;
Сосны с радости плясали,
Пни скакали на полянах...*

По словам Эйно Карху, «этой 44-й руной «Калевалы», родственной античному мифу об Орфее и русской былине о Садко, восхищались и поэты, и ученые, и просто читатели». О силе воздействия искусства, о его власти над людьми народная руна говорит с поразительной проникновенностью. Главным героем карело-финской эпической поэзии становится именно певец; не воин-богатырь, не викинг, а многоопытный и мудрый певец-заклинатель Вяйнямейнен, хранитель векового знания, оберегающий своим искусством-знанием счастье и процветание родового коллектива. Не случайно эта руна вдохновила многих художников на создание образа Вяйнямейнена, играющего на кантеле.

*...И все Калевалы жены
Тут работу побросали;
Как река, текут на звуки,
Как поток, туда стремятся.
Молодицы шли со смехом,
Шли веселые хозяйки,
Чтоб игру его послушать*

*И, ликуя, вострогаться.
Все мужчины, сколько было,
Все стояли, снявши шапки,
Сколько ни было там женщин,
Все рукой подперли щеки;
Девушки все прослезилась,
Парни стали на колени,
Звукам кантеле внимали,
Звону чудному дивились.*

В ПОИСКАХ САМПО

Проблема Сампо – одна из сложнейших в карело-финском эпосе «Калевала». Одни ученые считают, что в образе мельницы Сампо зашифровано понятие о Мировом древе, приносящем богатство. Другие выдвигают предположения, что мельница Сампо – это Мировая гора, сокровища которой могут осчастливить любого человека. Третьи утверждают, что это небосвод, и в качестве доказательства цитируют «Калевалу»: «крышка пестрая у Сампо».

По версии финляндского фольклориста Уно Харва, Сампо – символ изготовленного человеком мирового столпа, упирающегося в небосвод и поддерживающего его. Отсюда понятно, почему в рунах упоминается цветистая крышка Сампо – это метафора звездного неба.

По мнению немецкого фольклориста, знаменитого Якоба Гримма, Сампо – это что-то общеизвестное, поскольку ведьма Лоухи требует его без всяких пояснений, а Вяйнямейнен прекрасно понимает, о чем идет речь.

К сожалению, до сих пор не ясно, что же представляет из себя окутанное пеленой неизвестности Сампо. В рунах упоминается о благодетельной силе, которой обладает это таинственно нечто, способное молоть муку, соль и даже одаривать деньгами. Быть может, Сампо представляет собой какую-то волшебную мельницу, крышка которой символизирует усеянный звездами небесный купол, вращающийся вокруг центральной оси – опоры, на которой покоится весь мир.

Образ мельницы появляется в эпосе «Калевала» в связи с жела-

нием кузнеца Илмаринена получить в жены красавицу-дочь хозяйки северной страны Похьелы. Будущая теща ставит условие: Илмаринен должен выковать ей Сампо. «И слова такие молвит: “О кузнец ты, Илмаринен, вековечный ты кователь! Ты сумеешь сделать Сампо, крышку пеструю сковать мне, взяв конец пера лебедки, молока коров нетельных, от овечки летней шерсти, ячменя зерно прибавив? Ты тогда возьмешь в награду за работу дочь-красотку”».

Для расшифровки понятия мельницы Сампо необходимо учесть иносказательные детали, предшествующие его созданию. Когда Илмаринен приступил к изготовлению Сампо, первоначально у него получился лук. Но оружие, попадая в руки безрассудного человека, приносит людям только несчастья. «Лук из пламени явился с золотым сияньем лунным; серебром концы блестели, рукоятка – пестрой медью. Был по виду лук прекрасен, но имел дурное свойство: каждый день просил он жертвы, а по праздникам и вдвое».

Затем на наковальне появилась «лодка-красный парус, борт весь золотом украшен, и уключины из меди. Был челнок прекрасен с виду, но имел дурное свойство: сам собою шел в сражение, без нужды на битву рвался». Он был возвращен в горнило, как непригодный для обеспечения всеобщего счастья.

Следующие два изделия – символы мирного труда, однако, из-за тайных внутренних пороков они также были забракованы. «На пылавшем дне горнила из огня корова вышла, у нее рога золотые, среди лба у ней созвездье, меж рогов сияет солнце. Хороша корова с виду, но у ней дурное свойство; спит средь леса постоянно, молоко пускает в землю».

Потом появился плуг. «На пылавшем дне горнила из огня там плуг выходит, у него сошник из золота, стержень плуга был из меди и серебряная ручка. С виду был тот плуг прекрасен, но имел дурное свойство: он пахал поля чужие, бороздил соседний выгон».

Все эти предметы красивы с виду, но с плохим нравом, поэтому Илмаринен бросает их обратно в пламя.

Материалы, из которых изготавливается сампо, Э. Леннрот комментирует следующим образом: «Сампо надо было изготовить из даров леса, продуктов скотоводства, земледелия, которые впоследствии

должны воспроизвести себя стократно». О возникающих до появления сампо предметах Леннрот говорит: лук символизирует охотничий тип хозяйства, лодка – рыболовецкий, нетель – скотоводческий, а плуг – земледельческий.

Наконец-то появилось желанное изделие. «На пылавшем дне горнила видит Сампо вырастает, крышка пестрая возникла. И кузнец тот, Ильмаринен, вековечный тот кователь, стал тогда ковать скорее, молотком стучать сильнее. И выковывает Сампо, что муку одним бы боком, а другим бы соль мололо, третьим боком много денег. Вот уже и мелет Сампо, крышка пестрая вертится: и с рассвета мелет меру, мелет меру на потребу, а другую – для продажи, третью меру – на пирушки».

Желанному изделию Леннрот дал два объяснения: «В старинных преданиях, – пишет он, – рассказывается о различных предметах, которые сами по себе дают то, что обычно делают люди, таковым является и сампо». И еще: «А может быть, сампо символизировало вообще способы добывания средств существования в те времена. Оно должно было производить в изобилии муку, соль и деньги как для повседневных нужд, так и для запасов».

После того, как Сампо выковали, хозяйка Севера скрывает чудесный предмет в горном утесе из меди, запирает его на девять замков. Сампо начинает в скале прорастать, словно мировое древо: один корень ушел в землю, другой – вглубь утеса, а третий – в море. После некоторых приключений Вяйнямейнен отправляется в Похьелу, чтобы извлечь Сампо из-под горы. Он увозит сам волшебный предмет на лодке, но пробуждающаяся хозяйка Похьелы настигает похитителей; во время борьбы Сампо разбивается, его «большие куски» становятся «богатством моря», а «другие кусочки, осколки поменьше... волна на берег погнала», и Вяйнямейнен в связи с этим восторженно заявляет:

*В этом всех семян исходы,
Счастья вечного начало,
В этом пахота, посевы,
Кроется здесь сила роста.*

Найденные на берегу куски от сампо Вяйнямейнен относит

*На туманный полуостров,
На туманный остров мгlistый,
Там расти и размножаться,
Накопляться, прибавляться,
Чтобы стать ячменным пивом,
Добрый хлеб обернуться.*

Леннрот поясняет, что Вяйнямейнен надеется, что из прибитых волной к берегу осколков сампо, «как из семян, со временем, возможно, народится хорошая жизнь» и что они «дадут обильный настоящий хлеб для людей, да и пиво можно будет варить». Под конец Вяйнямейнен просит у верховного бога благословения народу Калевалы:

*Дай нам, бог, дозвожь, создатель,
Дай, чтоб жили мы счастливо,
Чтобы хорошо нам было,
Чтоб мы с честью умирали
В нашей милой славной Суоми,
В нашей Карьяле прекрасной.*

Выковывание и похищение сампо в «Калевале» занимают настолько важное место, что аллегорическое толкование сампо автоматически распространяется на всю поэму. «Калевала» является универсальным космогоническим изображением возникновения мира, космоса и рода человеческого с позиций народов страны Калевалы и Похьелы. Через «Калевалу» Леннрот хочет донести до всего человечества мысль о том, что только с помощью образованности и культуры люди и народы могут достигнуть материального благополучия и вечного счастья.

Источником счастья и является чудо-предмет сампо. Конкретно представить его невозможно.

ИЗ ЗАПИСОК Э. ЛЕННРОТА

К столетию со дня рождения Элиаса Леннрота Финское литературное общество выпустило двухтомное издание «Путешествия Элиаса Леннрота» («Elias Lönnrotin matkat. Helsingissä», 1902). Его составителем был ученый-фольклорист А.Р. Ниemi. Русским переводом двухтомника стала книга «Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма 1828-1842 годов».

Вошедшие в книгу «материалы представляют интерес не только для фольклористов, литературоведов, лингвистов и этнографов, но и для широкого круга читателей, стремящихся узнать побольше о народной жизни начала прошлого [теперь уже позапрошлого - ред.] века. Заметки Леннрота ценны тем, что в них описывается повседневный быт крестьян - творцов и хранителей прекрасной поэзии». Леннрот, собирая фольклор, «в то же время не оставлял без внимания существенные стороны народной жизни: он выступает и как бытописатель, и как исследователь народных обрядов и верований, и даже как критик существовавших социальных и правовых порядков, обнаруживая при этом свой просветительский склад ума и стремление к разумным преобразованиям» (Научный редактор перевода, У.С. Конкка).

Из путевого дневника Э. Леннрота

Второе путешествие (1831 год) по центральной Финляндии через город Каяни до Куусамо.

Народный праздник Хелка в деревне Ритвала

«...Во всяком народном празднике есть нечто необъяснимо отрадное и достойное уважения...

Сам праздник, корни которого уходят в глубокую древность, встает перед нами не мертвым памятником, а картиной живой старины. В современной жизни трудно найти другую форму, кроме народного праздника, где прошлое представало бы перед нами более явственно. Правда, кое-кому может показаться, что в театре, к примеру,

древнюю жизнь изображают более полно, но это не так...

Праздник, который я хочу здесь описать, проводится в приходе Сяксмяки, в деревне Ритвала. Его так и называют – Хелка деревни Ритвала...

Коротко опишу Хелку деревни Ритвала. Праздник этот проводится каждое воскресенье после полудня, начиная с Вознесенья и вплоть до Петрова дня, то есть до конца июня. Девушки собираются в одном конце деревни и, взявшись за руки, становятся по четыре-пять в ряд, медленно идут по деревне и поют древние руны. Довольно далеко от деревни на возвышенном ровном месте под названием гора Хелка девушки останавливаются. Там они образуют круг, танцуют и поют руны. Вечер проводят уже в деревне, где собирается большая толпа людей и затевают разнообразные забавы и увеселения, не считаясь с этикетом. Непременным условием этого праздника является то, что ни один мужчина и ни одна замужняя женщина не имеют права участвовать в этом шествии. Им позволено только присутствовать в качестве безмолвных зрителей и слушателей. Но это не обижает их. Другое дело – девушки, которые потеряли свое честное имя и которым тоже запрещено участвовать в празднике.

Теперь трудно представить, что послужило поводом для этого праздника и каково было его первоначальное назначение. Можно только предполагать, что зародился он еще до прихода в страну христианства, на что указывает слово «бог», употребленное в некоторых песнях во множественном числе, что вряд ли было возможно после принятия христианства. Кроме того, в этой же песне, как мне показалось, есть некоторые указания на то, что первоначально этот праздник был обрядом жертвоприношения, но по ней невозможно определить, с какой целью его проводили: чтобы добиться хорошего урожая, или, возможно, из-за чего-то другого. Особенно торжественно проводится праздник Хелка в Троицу. Молодежь из соседних приходов собирается в Ритвала на праздник. Когда я слышал, сколько народу здесь бывает в этот день, у меня создалось впечатление, будто мне рассказали о древних Олимпийских играх, с той лишь разницей, что состязания здесь ведутся только в пении,

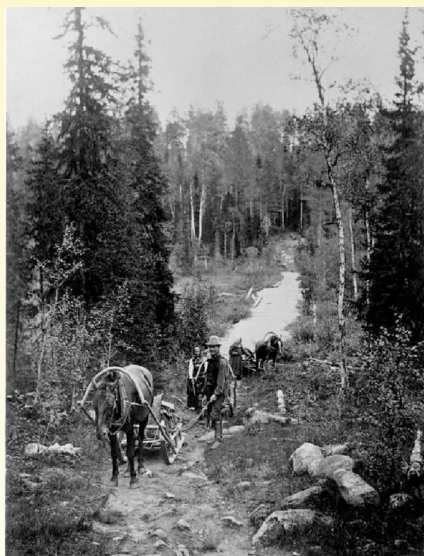

и девушки, естественно, стараются, чтобы голос их звучал как можно приятнее... Молодежь, собирающаяся здесь, веселится всю ночь. Играм, танцам и песням нет конца. Не знаю, возможно, на празднике не было соблюдены рамки приличия, или что другое явилось причиной, но местный лесман не так давно запретил Хелку. Правда, народ стал роптать, и особенно потому, что здесь живо старое предание, которое гласит, будто бы наступит конец света, если не праздновать Хелку. Так и говорят – «Конец света придет, когда забудется Хелка в Ритвала и зарастет поле в Хуйттула». В тот год, когда не проводили Хелку, случился в краю неурожай. Это сочли карой небесной за пренебрежение к празднику Хелка и после того стали опять праздновать, как и прежде...»

*Третье путешествие (1832 год)
по русской северной Карелии
Запись песен от Соави Трохкимайнена*

«...Теперь, наверное, было бы уместно поговорить о здешних финнах, которые с давних пор являются подданными России и, вероятно, со времен Владимира Великого – православными. Они называют себя «венялайсет» – русские. По-видимому, в прежние времена так называли финнов, проживающих в этих краях, а теперь в Финляндии это название применяют по отношению ко всему русскому народу. Финнов, живущих на нашей стороне, они называют шведами, а нашу страну – Руотси – Швецией или Землей шведов. В некотором отношении их обычаи и обряды нравятся мне

даже больше, чем те, что бытуют у нас. Так, например, они лучше, чем в целом ряде мест у нас, следят за чистотой.

У здешних финнов не встретишь жилья, чтобы не были вымыты полы, а подчас до такого блеска, как в любом господском доме...

Хорошим обычаем у здешних финнов является то, что в каждой деревне покойников хоронят на своем деревенском кладбище. Наши же суеверия привели к тому, что покойника зачастую везут за четыре-пять миль, чтобы похоронить на кладбище около церкви. Нетрудно заметить, насколько

это обременительно и даже противоестественно... Здешние финны считают гостеприимство добродетелью, а возможно, даже религиозным долгом, но сами же, к сожалению, нарушают его, примером чего является суеверный запрет не есть из миски, что стояла перед инаковерующим. Поэтому в поездку следует брать с собой свою чашку... Много еще можно добавить к этому... Хочу лишь отметить, что если кто-нибудь надумает поехать к этим финнам записывать руны, то не пожалеет об этом.

Особенно много у них свадебных песен, подобных тем, что есть во второй тетради «Кантеле» (Кантеле – сборник народных песен разных жанров, составленный Леннротом из материалов, собранных им во время первого путешествия. Вторая часть, содержащая свадебные и лирические песни, по содержанию и композиции предваряет «Кантелетар»), многие из них необычайно красивы. Люди охотно берут деньги за свои труды при исполнении песен, потому что считают песни предметом торговли, и это вовсе не плохо, что поют за плату. У нашего же народа зачастую не выманишь песен ни за деньги, ни даром... Я бы посоветовал тому, кто захочет совершить поездку в эти края, осуществить ее зимой... В это время года легче застать людей дома, они менее заняты работой. Да и ехать зимой

безопаснее, чем летом, когда в этих местах, как уже упоминалось, ходят бродяги и беглые солдаты...»

***Четвертое путешествие (1833 год)
по русской беломорской Карелии
(современные деревни Войница, Вокнаволок)***

Кроме песен, Леннрот записал много пословиц и загадок. На основе собранного материала он создает две сводные поэмы: «Вяйнямейнен» и «Свадебные песни».

«На следующий день меня пригласили на завтрак еще в один дом. Хозяин вызвался спеть для меня несколько новых рун. Затем он рассказал, как пять-шесть лет назад они с товарищем, будучи в Финляндии корабейниками, всю ночь напролет пели в одном господском имении в Хяме. Я спросил, не помнит ли он названия этого имения, и он назвал Весилахден Лаукко. Узнав, что перед ним сейчас тот же самый человек, который и тогда записывал его стихи, он очень удивился, как, впрочем, и я при упоминании этого имения. Мы разговорились словно старые знакомые, как вдруг запыхавшись прибежал какой-то маленький мужичок, стремительно схватил хозяина за руку и потянул за собой. Я не мог понять, что все это значит, пока мне не объяснили, что у мужика была тяжба с соседом, лошадь которого зашла на его поле. Он хотел, чтобы по этому делу создали деревенский сход и наказали виновного. «Возьми с собой хорошую палку, может, пригодится», – сказал мужик. По его мнению, правосудие должно было сначала присудить его противнику порку, а затем без промедления осуществить ее. В подобных случаях здесь, по-видимому, так и поступают. Но хозяин все же отказался, сославшись на то, что у него гость. Мужик ведь мог зайти в любой другой дом и подыскать

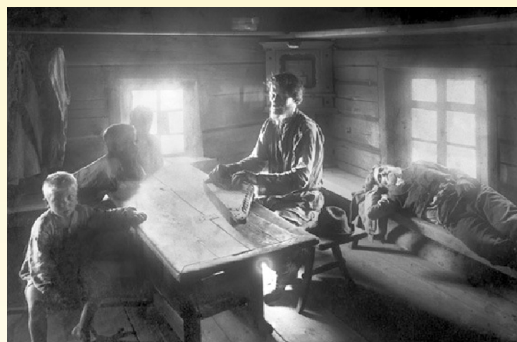

судью для этой распри. Итак, к немалой досаде сутяжника, хозяин остался дома. Мужик, пытаясь уговорить его, угрожал даже исправником.

Хозяин пел для меня всю первую половину дня, затем меня угостили обедом. Я ел с большим трудом, поскольку меня всюду – и в этом доме тоже – угощали брусникой и мои зубы так отерпли от кислого, что я с трудом пережевывал пищу. Как я и предполагал, хозяин наотрез отказался брать плату за еду и за песни. Но я все же нашел способ отблагодарить его: совершенно не торгуясь, я купил у него пояс и другие мелочи, которые он предложил мне приобрести. В этом доме тоже было очень чисто, пол вымыт, стол, лавки и стулья оттерты добела.

В каждом доме на стене несколько икон. Входя в избу, гость крестится на них. Все крестятся перед едой и после еды, а также когда уходят работать вне дома на несколько часов и по возвращении с работы. В горнице в доме Мийны перед группой образов был подсвечник с восковыми свечами, а рядом с иконами – пахучая смола для кадения, которой, однако, за время моего пребывания здесь ни разу не пользовались.

У Онтрея имелось кантеле с пятью медными струнами, на ко-

тором он сам и оба его сына очень искусно играли. Рассказывали, что хозяин дома – отменный певец, но петь мне он отказался. На следующий день рано утром с людьми, едущими на мельницу, я добрался до села Вуоккиниеми. <...> Из Вуоккиниеми я снова направился в Ченани-

еми. Чуть раньше меня сюда приехал на лошади один крестьянин из Кивиярви за товаром. Узнав, что нужный ему человек прибудет только завтра вечером, он услужливо предложил мне свою лошадь. Я принял его предложение. Вместо седла набили полмешка сеном

и привязали на спину лошади. <...> Мы выехали отсюда на следующий день рано утром, при свете луны, а когда взошло солнце, были уже в Кивиярви, следовательно, мы проехали две с лишним мили. Крестьянин, который привез меня сюда из Вуоккиниemi, предложил подвези еще до Салмиярви, куда мы и добрались к полудню. <...> Отсюда я направился в Аконлахти, где бывал уже ранее, осенью 1832 года. <...> Начиная от Вуоккиниemi все дороги были в хорошем состоянии и везде можно было проехать верхом на лошади, а при необходимости даже на повозке. Через болота и рямники 14 были проложены гати, сохранившиеся еще с войны 1788 года 15. И хотя их с тех пор не чинили, они были все же в довольно сносном состоянии, что свидетельствует о том, сколь долго дерево сохраняется в воде. В Аконлахти я зашел в дом Трохкимы 16, где меня, как старого знакомого, встретили радушно. Несмотря на весьма позднее время, затопили баню - ведь я отмахал в тот день пять миль, две верхом и три пешком. <...> На следующее утро я отправился в Юортана, что на финской стороне. <...>

В Юортана я намерен закончить описание своего путешествия: к этому меня побудила довольно веская причина – сапоги мои пришли в полную негодность.

* * *

Время перевалило за полночь, когда мы приехали в Ювялахти, постучались в один дом, и нас пустили. Нам наспех постелили на полу. В этих краях постель настилают не из соломы, которую заносят в дом с вечера, как у нас в деревнях, а из

шкур оленей и разной одежды, которую обычно ничем не застилают. По мне же нет ничего лучше, чем спать на чистой и сухой соломе, которую только что занесли в дом и застелили чистой домотканой

простыней. Даже на самой лучшей пуховой постели не спится так хорошо. Солому настилают в нескольких местах, так что у каждой супружеской пары, а в больших домах их обычно несколько, есть отдельная постель; у холостых парней, равно как и у незамужних дочерей, тоже свои постели. Для более почетного гостя стелют отдельно возле длинного стола, гости же попроще, особенно нищие, должны довольствоваться местом возле двери. И хотя я не имею ничего против отдельных для каждого члена семьи кроватей, поднимающихся в несколько ярусов до самого потолка, как в южной Финляндии, но постели из соломы, настилаемые каждый вечер на полу, мне все же нравятся больше. Они чище сами по себе, да и днем изба выглядит опрятнее без плохо, либо совсем не заправленных постелей. По утрам, когда все уже встали, солому сразу уносят и подметают пол начисто. Во внутреннем убранстве жилых помещений у южных и северных финнов очень много различий. У первых, кроме упомянутых кроватей, по всей комнате наставлено множество шкафов, сундуков, здесь и ушаты для воды, подойники, кадушки и пр. Пол чаще всего грязный. На столе остатки от завтрака, обеда и ужина, тут же неряшливо оставлены хлебные корки, тарелки, миски из-под рыбы и т. д., притом столешница редко бывает чистой. На очаге варится и парится еда для следующего раза. В Саво и на севере Финляндии, а особенно в северной Карелии, избы не захламлены, пол более или менее чистый, столы и скамьи выскоблены до бела. В избе нет грязных шкафов, сундуков, ушатов, кадушек и пр., так как для хранения подобной утвари у них имеется специальная клеть, куда все это убирается после употребления. Для приготовления пищи имеется особая постройка – кота (конусообразное строение из жердей, напоминающее лопарскую вежу. Устанавливалась во дворе и предназначалась для варки поила скоту, нагревания воды и пр.). Казалось бы, все должно быть наоборот: южные финны, являясь более состоятельными, могли бы поддерживать лучший порядок в домах, но этого нет.

На следующее утро я отправился из Ювялахти в Ухтуа. В этой самой богатой деревне края восемьдесят домов, большинство из них

добротные. Название происходит от реки Ухут, протекающей через деревню. Отсюда до Ювялахти по озеру Среднее Куйтти насчитывается три мили. Деревня делится на четыре части: Ламминпохья, Мийткала, Рюхья и Ликопя. Половина села относится к волости Вуоккиннеми, другая – к волости Паанаярви. Граница между волостями проходит по реке Ухут. Я провел здесь целую неделю, усердно записывая руны и песни, которые пели мне деревенские мужчины и женщины. Самой лучшей певицей среди них оказалась некая вдова Матро. Она с вязанием в руках пела в течение полутора дней, после чего ее сменяли другие, которые частично исполняли спетые Матро варианты, а также новые руны».

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

1. Калевала. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Калевала> – Загл. с экрана. – 19.02.2015
2. Калевала : карело-финский народный эпос [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mechev.ru/kalevala75.php>. – Загл. с экрана. – 19.02.2015.
3. Kalevala. Народный эпос [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kalevala.gov.karelia.ru/index.shtml>. – Загл. с экрана. – 19.02.2015.
4. Кантеле: Окна в историю [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://history.kantele.ru/instrument-kantele/#0001> – Загл. с экрана. – 19.02.2015.
5. Карху, Э. Народный эпос и его литературная жизнь / Э. Карху // Вопросы литературы. – 1985. – № 2. – С. 105-125.
6. Леннрот, Э. Калевала : эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Элиас Леннрот ; пер. Э. Киуру, А. Мишина. – 2-е изд. – Петрозаводск : Карелия, 1999. – 583 с.
7. Образ мельницы Сампо [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elena-kircanova.narod.ru/str328.html>. – Загл. с экрана. – 19.02.2015.
8. Сампо : сказка / реж. А. Птушко (1959). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=mJvqMr8KVfs. – Загл. с экрана. – 19.02.2015.

Приложение 1.

ЖЕМЧУЖИНЫ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ В «КАЛЕВАЛЕ»

Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невинных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Туони!

*

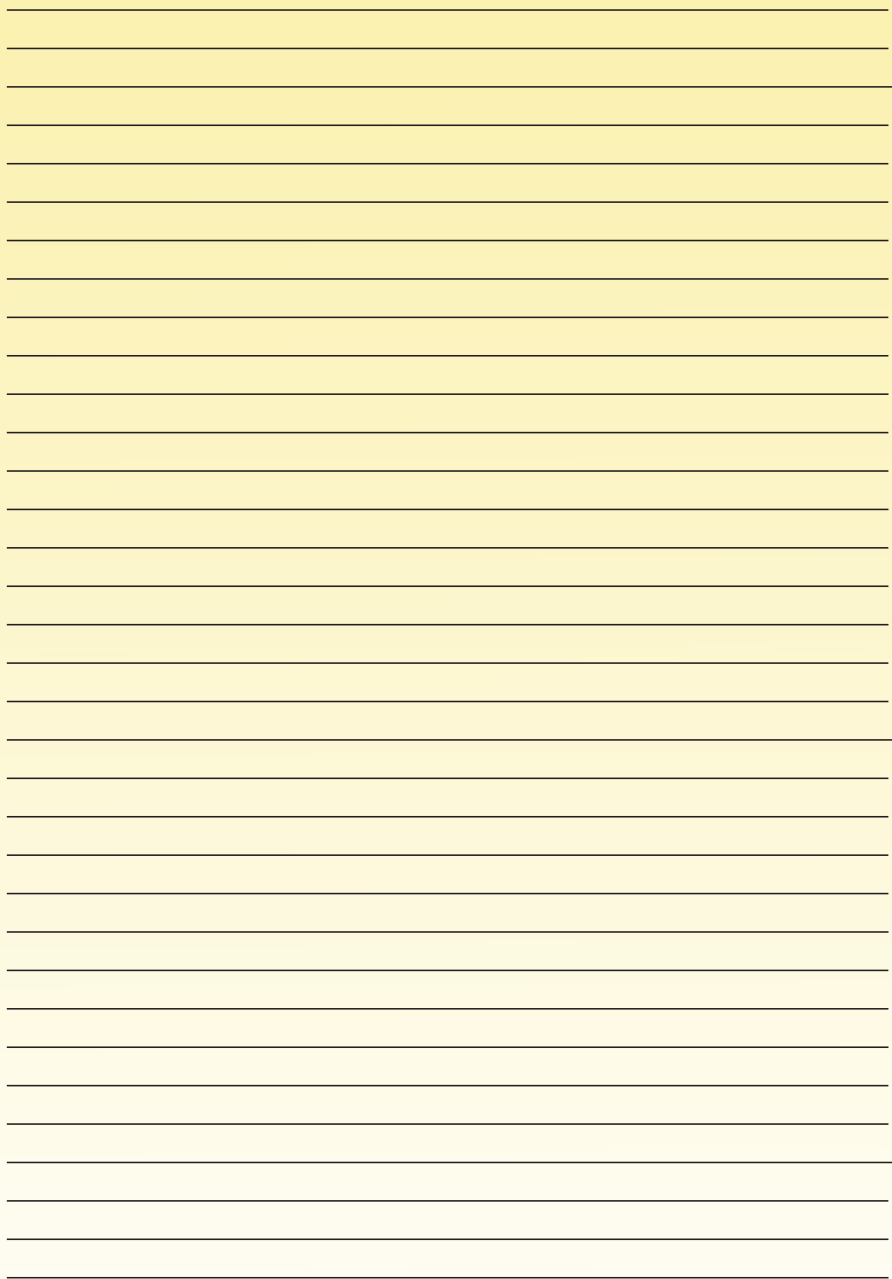
Ты, народ, что после будешь,
Племя, что потом возникнешь!
Челнока на спор не делай,
Лодку выгнуть не похвастай:
Только бог кончает дело,
Лишь творец конец дарует;
Без него герои слабы,
Руки сильного бессильны!

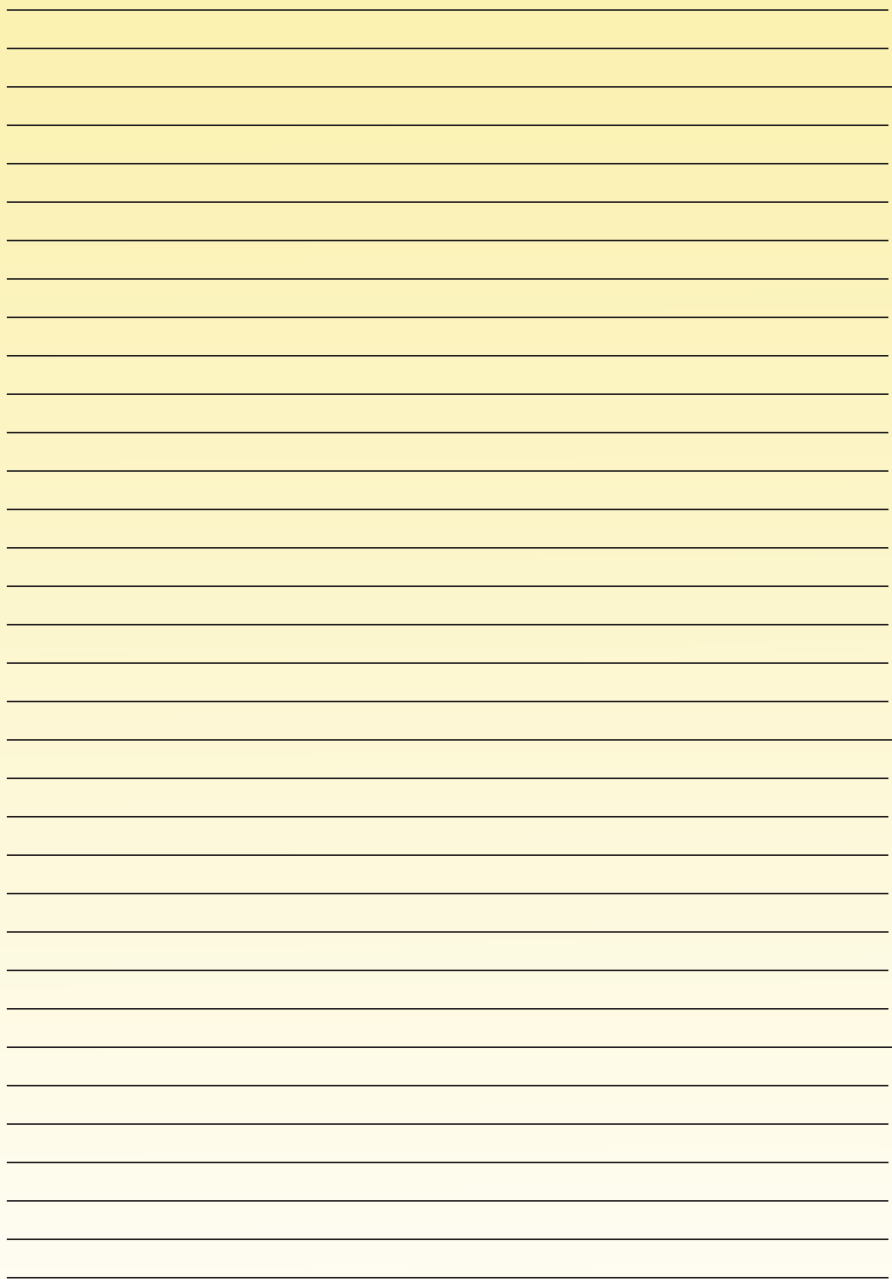
*

Никогда, народ грядущий,
не давай детей родимых
глупому на попечение,
чужаку на воспитанье!
Тот, кто дурно был воспитан,
был неверно убаякан,
тот вовек не поумнеет,
мудрость мужа не постигнет,
даже если возмужает,
если телом и окрепнет!

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА